

Человеку изначально свойственно желание заглянуть в прошлое, почувствовать его дыхание для понимания своего места в огромном мире, ощущения причастности к делам своих предков. Приоткрыть дверь в неизведанное помогают свидетельства прошедшей жизни: предметы, документы, изустные предания. Настоящим подарком оказываются те из них, которые подробно, практически досконально, описывают короткий промежуток времени из жизни одной семьи или одного города. Коломне в этом плане повезло. В собрании историко-культурного музея-заповедника «Коломенский кремль» сохранились книги магистрата (*органа власти, отвечавшего за вопросы городского хозяйства и управления*) за несколько лет восемнадцатого века. В протоколах заседаний мы находим интереснейшие документы, отражающие взаимоотношения коломенцев, картины их бытия, чаяния и надежды. Перелистаем же более трёхсот листов книги Коломенского магистрата за 1799 год и взглянем на наш город, входящий в девятнадцатое столетие. Нашими попутчиками станут бургомистры Ларион Шевлягин и Федот Рудомёткин и ратманы¹ Прокопий Посохин, Михаил Шапошников и Никифор Слонов, чьи подписи сопровождают все дела и служат свидетельством их непосредственного участия в многогранной общественной и экономической жизни.

¹ Ратман — член городского магистрата или ратуши.

Ванька с двумя пассажирами

Шелест двухсотлетних страниц погружает нас в купеческо-мещанскую Коломну, с первых строк раскрывая сведения пятой ревизии (*переписи*). По меркам того времени, город предстаёт достаточно населённым. Из жителей мужского пола 1 040 душ принадлежат к купечеству и 946 — к среднему классу, называемому мещанством. Горожане находятся на разных ступенях по уровню достатка. Среди них есть и 19 купцов высшего круга «общества градского», со званием именитых граждан, владеющих суммарным капиталом в 839 690 рублей. Бесперывное течение жизни проявляется в перемещении из одной сословной группы в другую, в разделении семейных капиталов. На место выбывающим приходят новые члены. Так купеческое сословие пополнилось купцами Иваном Коревым, Петром Дехалеревым, мещанином Ефимом Сергеевичем Хлебниковым и другими. Мещанство принимает в свои ряды церковников и купцов, оказавшихся несостоятельными. Крайним случаем, когда человек исключается из общества, является «партикуляр» — отдача в работы за долги.

Весной 27 мая 1799 года в Коломенский магистрат поступило прошение вдовы коломенского купца третьей гильдии Мирона Пономарёва Анны Савиной, в котором она высказывала желание вступить в московское купечество вместе с сыном Тимофеем, жительствоющим в Москве. В конце июля 1799 года в коломенское купечество был записан Степан Иванов сын Разгильдяев с семейством, состоящим из жены Авдотьи и сына Фёдора. Любопытным оказывается тот факт, что Степан Разгильдяев являлся отпущенным на волю от капитана Василия Дмитриевича Крюкова дворовым человеком и сумел накопить капитал в 2 005 рублей, что позволяло ему войти в третью гильдию.

Коломенское общество пополняли и жители отдалённых городов. Мещанин города Одессы Филипп Яковлев сын Волков, проживающий

в Коломне по паспорту, просил записать его с семейством в местное мещанство. При этом его дети Матрёна и Семён оказались вечноотпущенными от Аграфены Фёдоровны Киреевской, вдовы поручика Александра Михайловича Киреевского, и проживали в Серпуховской округе в сельце Крапивне. Отмечен и случай, имевший место в семействе коломенского купца Ефрема Григорьева сына Хлебникова, который просил приписать к нему воспитанника коломенского мещанина Дениса Ефремова.

Изменения в составе купечества происходили и в результате раздела имущества внутри одной семьи, когда её члены хотели «отправиться в свободное плавание», или вследствие смерти главы семейства через исполнение его завешания. Проследить подобного рода процессы помогает раздел коломенского купца Аники Лаврентьева сына Капустина с сыном Алексеем. Семейство Капустиных путём успешной торговли обзавелось не только достаточным капиталом, но и весьма значительным недвижимым имуществом. Им принадлежали два дома: каменный на улице Вознесенской (ныне Красногвардейская) близ Житной площади и деревянный на улице Брусенской (ныне Лажечникова) внутри кремля, а также две лавки: в гостинной и Житной линиях. Причём их соседями по торговле выступали представители крепких коломенских кланов: Бочарников, Кислов, Попов. О финансовом благосостоянии семьи можно судить по сумме в десять тысяч рублей (что соответствовало рубежу между первой и второй гильдиями), которую оговаривал для себя Аника Капустин вместе с деревянным домом «со всяким во оном имуществе, серебряной и всякою посудой и с святыми образами» и доходом с лавки в гостинной линии. Алексей Капустин благословлялся от отца образом Спасителя в серебряном окладе и был обязан выплатить денежный долг господину Хлебникову и отчислять по шестьдесят рублей своей тётке и крестной матери Дарье с доходов лавки в Житной линии.

Словами смирения и благодарности за прожитую жизнь проникнуто духовное завешание коломенского купца Никифора Петрова сына Слонова: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа аминь. Божия благодать, сподобившая меня многогрешного наслаждаться бытиём и существованием в видимом сём мире, продолжил своё божественное попечение до маститой и глубокой моей старости, и, чувствуя оскудение в телесных моих силах и изыскав свои мысли, завещаю в целом своём уме и твёрдом разуме...» После показанных слов следует подроб-

ное описание раздела имущества, среди которого — дом с садом на улице Пятницкой (ныне Пушкина), отходивший в совместное владение сына Михаила и дочери Вассы, бывшей замужем за коломенским купцом Григорием Ипатовым сыном Каниным. Всё движимое имущество и скотовое место в Митяевской слободе с сальней и кладовой оставалось Михаилу. Вассе полагалась определённая денежная сумма, оговорённая в особом завещании, засвидетельствованном священником церкви

Воскресения Христова, что на посаде, Фёдором Трофимовым и братом завещателя Нестором Слоновым.

Большое количество документов свидетельствует о такой стороне жизни, как долговые обязательства по векселям и следовавшие за ними дела о выплате, финалом которых зачастую было окончательное разорение. В этом случае должника брали для выполнения различных работ состоятельные граждане, обязующиеся платить за него не менее 24 рублей в год. Случалось, должники удирали от своих хозяев, и тогда в местных магистратах слушались дела вроде такого: «По сообщению Коломенского земского суда о побеге с фабрики московского 1-й гильдии купца Дмитрия Степанова сына Насонова коломенского мещанина Григория Иванова сына Трескина».

Необходимо обратить внимание, что строжайше отслеживались граждане, передвигавшиеся без паспортов. На одном из заседаний рассматривали такое — о мещанах Владимире и Антоне Маскариных, прибывших в Вятку без документов. А за неуплату государственных податей могли арестовать как Семёна Исаева сына Масыгина.

Благодаря одному из вексельных дел мы можем проследить драматические коллизии в жизни Максима Ивановича Машонкина — деда по материнской линии нашего знаменитого земляка Ивана Ивановича Лажечникова. Максим Иванович оказался должным 4700 рублей наследнику премьер-майора Ивана Фёдоровича Птицына Никифору Егоровичу Филипповичу. В ходе разбирательства оказалось, что история с выплатой тянулась с 1788 года, и за это время ответчик спустился вниз по социальной лестнице, к 1799 году числился уже мещанином. Подобному положению дел во многом способствовал и большой пожар 1792 года. По словам самого Машонкина, в несчастливый для него день 14 сентября огонь уничтожил его собственный дом близ Покровской церкви, а «при том сгорело его экипажу (*т.е. различных вещей*) на не-

Гужевая повозка и возница

малую сумму, а во время пожара из того дома неизвестно кем украдено святых образов: 1 Казанская Богородицы, оклад и венец серебряные позлащённые, убрус жемчужный; 2 Чудотворца Николая с изображением избавления трёх мужей от смерти, риза серебряная кованая позлащённая с киотом красного дерева, в коем имелся серебряный крест; 3 Рождества Пресвятыя Богородицы с изображением других святых без окладу; да стол дубовый точёный на ножках, в нём ящик выдвижной с имевшимися в нём разными нужными бумагами, как то: с векселями на разных людей и с собственными его, по которым последовал полный платёж с росписью в получении денег, с расчётами разных людей, да две книги долговые и с верующими письмами, да из укладки: кафтан суконный лазоревого цвету, подбит голубою китайкою; кушак шёлковый цветной, называемый изобратной; шапку бобровую, верх плисовой лазоревый же; шляпу пуховую, круглую; очки, серебром оправленные, в футляре; да телегу ездовую, а задние колёсы кованые».

Немного отступив от личности Максима Машонкина, стоит сказать, что последствия пожара 1792 года ликвидировали продолжительное время. Горожанам в течение десяти лет выплачивались денежные ссуды, и один из протоколов магистрата показывает о выделении на 1799 год 1713 рублей 52 копеек, распределённых между купцами и мещанами суммами от ста до четырёхсот рублей.

Возвращаясь к Максиму Машонкину, отметим, что ему самому оказался должным 1207 рублей 47 копеек коломенский мещанин Пахом Агафонов сын Казаков. Ещё в 1772 году, будучи каширским купцом, он нанялся сидельцем в лавку к отцу Максима Ивановича — Ивану Евстратьевичу — и раздал товара разным людям на две тысячи рублей, а вернул только 791 рубль 53 копейки. Тем не менее, будучи не в состоянии выполнить

ведение дел Иваном Ильиным (отцом писателя И. И. Лажечникова) и Емельяном Ильиным Ложечниковыми. Иван Ильич по двум векселям, выданным от брата, требовал взыскать с коломенского купца Тимофея Житникова 1440 рублей. Судебное дело приоткрывает перед нами не только схему привлечения к ответственности должника, но и ряд любопытных деталей из городской жизни. Выясняется, что купечество делилось на сотни под началом выборного, и в нашем случае сотский восьмой сотни Вележев как ответственный за своего члена был обязан сыскать Тимофея Житникова. Это ему не удалось, поскольку, закупив в Орле хлеб, Житников отъехал в Москву «для своей коммерции». Вернувшись в Коломну, купец объявил, что не может заплатить по векселю, и предложил в зачёт долга часть деревянного дома в Запрудной слободе, которым владел совместно с матерью Татьяной Фоминишной и братом Евпсихием. По справке, полученной в магистрате, оказалось, что братья Житниковы (Тимофею исполнилось тридцать пять лет, Евпсихию — тридцать три года) состояли в одном капитале при своей матери. Сам Тимофей Житников был отпущен под расписку на поручительство купцу Аврааму Денисову. Итоговое решение магистрата было довольно предсказуемым: оценить дом и выделить из него часть, принадлежащую Тимофею, недостающую сумму обязать к выплате, а в случае же невозможности — определить должника в партикуляр. Под протоколом после ознакомления оставил свою личную подпись Иван Ложечников.

Ещё один вексель касался третьего брата — Трифона Ильина сына Ложечникова. Но здесь ситуация была обратная. Коломенский купец Емельян Потапов требовал взыскать с Ложечникова 30 рублей, которые тот задолжал с 1789 года. В процессе разбирательства выяснилось, что на Трифоне Ильиче числились иски от разных кредиторов, и он не смог их выплатить. В результате Ложечникова отдали коломенскому купцу Ивану

вексельные иски, 21 февраля 1799 года Максим Машонкин был «отдан коломенскому купцу Хрисанфу Ильину в партикулярную работу при указе на три года с платежом за него сверх государственных податей и общественных поборов в каждый год по сорока рублей».

Вексельные дела непосредственно касались и самого рода Ложечниковых, семейство которых значилось в числе именитых. Одно из них показывает совместное

*Мясник со свиньёй на подносе
и купчиха*

Крашенинникову в партикулярную работу впредь на два года с выплатой за него по 24 рубля в год. Заметим, что никакой помощи от братьев Трифон не дождался, и можно высказать предположение о не слишком благонаправленном его поведении. На данное размышление наталкивает и фраза из духовного завещания его отца от 1795 года: «...меньшому сыну его Трифону в наследство оставляет внесённые им императорского московского воспитательного

дома в сохранную казну наличные деньги: двадцать тысяч рублей, с тем однако же, чтобы оной капитал остался в той сохранной казне до того времени, когда он покажет себя добрым гражданином и в порядочном поведении своём аттестован будет от означенных братьев своих, у коих быть ему в опеке и совершенном послушании, властно как бы у самого его завещателя» (ЦГАМ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 3298. Л. 1 об.).

В книге магистрата мы находим упоминания и о других именитых гражданах Коломны того времени. Таким был Иван Мещанинов, от которого требовали недоимки как различные лица, так и Суздальская провинциальная канцелярия по винной торговле 1774 года. В свою очередь, Иван Мещанинов подал взыскание по векселям с московского купца Якова Васильева. Ещё одного представителя именитого купечества, Афанасия Акимовича Шевлягина, мы можем с уверенностью назвать родоначальником особого благополучия своего рода. Из дела о взыскании по двум векселям с коломенского мещанина Гаврилы Алексева сына Агнёткина 157 рублей 55 копеек мы узнаём, что ещё в 1786 году Афанасий Шевлягин был купцом второй гильдии, подразумевавшей капитал максимум в 10 000 рублей. Через десять лет он сумел умножить его в несколько раз, ведь звание именитого гражданина подразумевало капитал уже свыше 50 000 рублей. Подобному положению дел способствовала активная жизненная позиция и смелость в торговых делах Афанасия Акимовича. Одним из таких шагов являлось содержание казённых земель в течение нескольких лет, под гарантии которых шли обязательства наиболее состоятельных представителей купечества или имущество. Именно благодаря подобного рода делам, наравне с описью имущества за долги, мы можем увидеть, в каких домах проживали и в каких лавках торговали коломенцы на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого столетий.

Обратимся к описаниям строений, составлявших облик нашего города и служивших своего рода зеркалом материального благополучия. Как вы-

глядели лавки в Гостином дворе Коломны, позволяет судить дело от 17 января 1799 года. Три лавки коломенского именитого гражданина И. И. Ложечникова были описаны в качестве залога казне за «откупы и содержание питейных сборов или казённой соли и прочие поставки». Торговые помещения оценивались в десять тысяч рублей и представляли собой следующее. Одна лавка, стоимость которой составляла ровно половину, представляла в качестве «центрального офиса» и имела два этажа с каменным выходом (*погребом,*

подвалом). В нижний этаж, отделанный деревом, вели четыре деревянные створчатые двери на железных петлях. Второй этаж показан как оштукатуренный, с печью, отделанной изразцами, и окнами, в которые были вставлены рамы со стёклами, защищёнными железными полосами. Вторая и третья лавки оценивались по две с половиной тысячи рублей и представляли собой торговые помещения с деревянной отделкой и холодными палатками на втором этаже. Все лавки находились под одной железной крышей с обводной арочной галереей и имели размеры десять сажень (*1 сажень = 2,13 м*) поперёк и пять — в длину.

Представить объём необходимого количества материалов для сооружения торгового заведения позволяет одно из дел в книге магистрата. Его суть заключалась в том, что коломенский купец Семён Игнатов сын Морозов просил взыскать 106 рублей 3 копейки с коломенского купца Самойлы Андреева сына Егина за поставленные 10000 кирпичей для постройки лавки в Гостином дворе. Купец Егин категорически отрицал размер поставки и утверждал, что вместо показанных Морозовым 31640 кирпичей с 60 бочками извёстки забрал только 21000. При этом каждая тысяча кирпичей стоила 7 рублей 50 копеек, но Егин подчёркивал, что они договорились снизить цену до 7 рублей, а расчёт производить не только деньгами в сумме 130 рублей, но и продуктами: два пуда (*1 пуд = 16,28 кг*) ржаного солода на рубль и два фунта (*1 фунт = 409,5 г*) хмеля на 32 копейки. В ходе заседания магистрата поднимались также вопросы и законности нахождения у купца Егина его служителей; о шести рублях за двадцать досок, взятых вместе с кирпичами; о дополнительных 750 кирпичях для печей в доме Самойлы Андреевича. Всё вместе погружает нас не только в, казалось бы, мелочную разборку между купцами, но и позволяет несколько по-иному взглянуть на сумму капиталов купечества и вексельные долги с точки зрения стоимости бытовых вещей. Также сцена из городской жизни, развернувшаяся на страницах протокола, по-

Огородник на своей телеге

звояет и окончательно решить вопрос о загадочном слове «кирбаты», о котором спорили, под которыми понималось не что иное, как сараи для хранения кирпича.

Касательно жилых домов, в книге Коломенского магистрата сохранился целый ряд описаний, позволяющих представить их облик и участки, на которых они находились. Бывали случаи, когда частные владения переходили в казённое ведомство. Ярким примером подобной практики может служить покупка Коломенской почтовой конторой у подпоручика Александра Иевлева каменного одноэтажного дома со всеми службами на Брусенской улице. Само же дворовое место по периметру имело следующие размеры: «...в первой линии по Брусенской улице от Брусенского девичьего монастыря до земли регистратора Семёна Канищева — двадцать четыре, во второй с Брусенским монастырём — девяносто восемь, в третьей, разделяющей с землёю регистратора Канищева, — девяносто пять, в четвёртой, разделяющей с каменной городской стеною, — тридцать пять сажень».

Стоимость домов с землёй оценивалась по-разному. Так, коллежский секретарь Федот Прокофьев купил описанный за долги двор коломенского мещанина Никифора Полетаева за 1645 рублей. На дворе находился каменный двухэтажный дом в длину четырнадцать сажень и две четверти аршина ($1 \text{ аршин} = 71,12 \text{ см}$), поперёк — четыре сажени и один аршин с четвертью. На первом этаже располагалось четыре покоя с 30 окнами, на втором этаже — три покоя с 31 окном, в каждой комнате — изразцовая печь. Обращает на себя внимание упоминание мастерской на первом этаже, предназначенной для мотания шёлка, и ветхой деревянной красильни на берегу Коломенки. Двор размером 34 на 34 сажени был огорожен дощатым забором, загораживавшим огород и сад со 160 средними и малыми яблонями.

Гораздо скромнее выглядело дворовое место Никольской (ныне Посадская) в 70-м квартале другого должника — коломенского мещанина Алексея Лохова, оценённое в 290 рублей. Длина участка по улице составляла двенадцать сажень, сзади — три сажени с половиной, с правой стороны — двадцать шесть сажень, с левой — двадцать семь сажень с аршином. На дворе размещалась горница (*изба*) из соснового леса

длиной вместе с сеньями и светёлкой в шесть сажень, а шириной в четыре сажени. В горнице, перегородженной на три части, насчитывалось шесть окон и изразцовая печь. Особо отмечен располагавшийся в горнице образ святой великомученицы Параскевы без оклада. На дворе была построена баня с предбанником из елового леса.

Двор умершего коломенского мещанина Дорофея Никифорова сына Горбунова был продан Московским аукционом коломенской мещанской жене Евдокии Ерофеевой дочери Аксёновой за 600 рублей 50 копеек при долге Тимофею Кондратьеву сыну Шульгину в 1400 рублей. Описываемый двор располагался в приходе церкви Великомученика Никиты по Никольской улице по правую сторону, если идти от Пятницких ворот. В окончательную оценку вошёл весь комплекс строений и обстановка дома. Изба елового леса и двор размером двадцать шесть на двенадцать сажень были оценены каждый в восемьдесят рублей, дворовое каменное строение вышиной в два аршина — в двадцать рублей, овинный амбар с каменным погребом — в сорок рублей, забор — в два рубля пятьдесят копеек, баня с предбанником — в пять рублей. В доме были описаны два стола (один дубовый с двумя ящиками столярной работы ценой рубль пятьдесят копеек, другой дубовый старый ценой рубль пятьдесят копеек), шесть стульев деревянных ручной работы ценою шестьдесят копеек, четыре большие дубовые кадки ценой в четыре рубля. Общая стоимость составила 235 рублей 10 копеек, что было в несколько раз меньше аукционной суммы.

На фоне вышеописанных деревянных строений выделялись усадьбы богатых коломенских купцов. Одна из них принадлежала Дементию Карпову сыну Шерапову и была заложена в счёт откупа на содержание казённых земель. Двор располагался в 34-м квартале в приходе церкви Алексея человека Божия на улицах Алексеевской (ныне Левшина) и Семионовской (ныне Савельича). Дом размером семнадцать на двадцать три аршина представлял собой каменные жилые двухэтажные палаты, крытые железом. На первом этаже с полами и потолками из соснового леса распо-

лагались сени, две кладовые, два тёплых покоя с двумя изразцовыми печами и четырнадцатью окнами, в каждом из которых находилось по две рамы со стёклами и железными решётками. В верхний этаж вела из сеней деревянная лестница с перилами. Здесь были сделаны четыре перегородки тёплые с двумя изразцовыми печами с лежанками и три перегородки без печей. На втором этаже насчитывалось девятнадцать

окон с медными запорами и с двумя рамами, два из которых были забраны железными решётками. Во дворе располагались многочисленные службы, также покрытые железом: два каменных погреба, два кладовых амбара с каменными простенками, сарай, конюшня. От палат по Алексеевской улице шла до служб каменная стена в тридцать три аршина с воротами, покрытыми железом, а в заднем конце служб каменная стена длиной пятьдесят пять аршин примыкала к палатам. Всей же земли под дворовым местом было: поперёк двадцать восемь, а в длину пятьдесят две сажени. Исключая деревянное строение, вся усадьба оценивалась в десять тысяч рублей.

Случались в жизни горожан и жалобы личного порядка. Среди них любопытно разбирательство о нанесении бесчестия. Коллежскому регистратору Василию Сергеевичу Малееву не понравилось, когда купец Данила Григорьевич Аленин назвал его «вечно пьяным».

В ведении магистрата находились и дела об «уклонистах». Унтер-офицер квартирующего в Коломне мушкетёрского полка Рудницкий арестовал в доме коломенского купца Анисима Семёнова сына Фалина каширского мещанина Михайлу Лашина. Начали разбираться, и одновременно выяснилось, что Лашин не только укрывался от рекрутской отдачи, но ещё и совершил воровство в Москве. Он сам в этом повинился. Причастными к похождениям каширского мещанина оказались и коломенцы.

Но в основном дела носили финансовый характер. Как вышеперечисленные, так и просьба крестьян села Васильевского взыскать с мещанина Кондратия Кондратьева сына Фомина за купленное сено.

Благодаря подробному ведению дел в Коломенском магистрате перед нами осязаемо встают её улицы и площади, наполняясь жителями, возвращающимися из небытия и вновь обретающими свои имена, имеющими свои желания и поступки. Горожане, сами того не осознавая, плетут нить истории, вступая во взаимоотношения между собой, властью, представителями других местностей.

Составители документов, из которых сшита эта и другие книги магистрата, сделали неоценимый подарок нам, ныне живущим, за сгусток простых, бесхитростных, но в то же время таких реальных картин бытия наших предков.

Год, венчающий восемнадцатое столетие, похож на многие такие же — спокойные, размеренные, счастливо обойдённые смутой и войной. Фотографическая иллюстрация земного человеческого существования.

Автор благодарит заместителя директора по развитию музейной деятельности Государственного музея-усадьбы «Архангельское» В. Н. Фомина за предоставленные иллюстрации из книги К. Г. Г. Гейслера «Костюмы, нравы и обычаи русских».